

ПЕРЕПИСКА С А. В. ГОЛОВНИНЫМ

(1877—1881)

Публикация А. М. Гаркави

Александр Васильевич Головин (1821—1886) — статс-секретарь, один из лидеров либеральной бюрократии, близкий к придворным кругам. В 1862—1866 гг., занимая пост министра народного просвещения, руководил проведением реформ в этой области. Так, в 1863 г. он ввел новый университетский, а в 1864 г. — новый гимназический устав. Выступал за некоторое ослабление цензуры, считая, что чрезмерная строгость мешает правительству знакомиться с общественным мнением.

Головин поддерживал контакты со многими общественными деятелями и писателями и даже «заигрывал» с представителями демократического лагеря (см.: А. Я. Панаев в а. Воспоминания. М., 1948, стр. 289—290). По инициативе Головина была напечатана брошюра «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры» (1862), куда вошла, между прочим, и записка редакции «Современника». Характерно, что в феврале 1861 г. Герцен получил от Головина (через Тургенева) некоторые сведения о подготавливавшейся крестьянской реформе.

В связи с усилением реакции после каракозовского выстрела Головин был отстранен от должности министра народного просвещения (14 апреля 1866 г.), но остался членом Государственного совета. Находясь, таким образом, в почетной отставке, он занялся составлением многотомных «Записок», содержащих подробнейший обзор его служебной деятельности (рукопись; хранится в ЦГИАЛ). К этому времени и относится публикуемая переписка.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о знакомстве Головина с Тургеневым довольно скудны. Началось это знакомство еще в 1843—1845 гг., когда Тургенев оказался сослуживцем Головина по канцелярии министра внутренних дел. Об этом читаем в примечании М. И. Семевского к статье Z*** <Л. Н. Майкова> «Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г.» : «... в 1843—1845 гг. И. С. Тургенев <...> состоял на действительной службе. Служба эта была — чиновником особых поручений в канцелярии министра внутренних дел у Л. А. Перовского. Здесь было трое чиновников сего звания: Владимир Иванович Даль, Александр Васильевич Головин и Иван Сергеевич Тургенев. Самая тесная дружба соединяла трех сослуживцев-товарищей. Тургенев являлся на службу даже летом, из Павловска, весьма аккуратно, но вовсе не занимался ею, а обыкновенно читал массу романов, исключительно французских, которые тут же в канцелярии, в столе, у него и валялись. Чуть, бывало, его товарищи освободятся от дела, у них завязывались споры и рассуждения, преимущественно о русском языке. Тургенев был собеседник прелестный; тут же в канцелярии писал он стихи, и одна из первых его повестей, в стихах же, „Параша“ была написана именно в канцелярии министра внутренних дел» («Русская старина», 1883, №10, стр. 207). Сопоставив это примечание с некрологом Головина, также принадлежащим перу М. И. Семевского, можем заключить, что оно написано со слов Головина; вот соответствующие места упомянутого некролога: «...одним из немногих товарищей Александра Васильевича по службе в канцелярии министра внутренних дел, в конце 1840 годов (неточно: в 1843—1845 гг. — А. Г.), был Иван Сергеевич Тургенев <...> Но если Тургенев был плохой чиновник <...>, то, как товарищ, это был чудный человек. А. В. в своих многочисленных беседах с пишущим эти строки всегда с особенным удовольст-

вием вспоминал о времени совместного служения своего с И. С. Тургеневым. — „Милый характер Ивана Сергеевича, — говорил нам, между прочим, А. В., — его остроумие и добродушие оставили во мне неизгладимое впечатление“» («Русская старина», 1887, №3, стр. 772—773). Тургенев и Головнин надолго сохранили теплое отношение друг к другу, о чем свидетельствует и публикуемая переписка. Она относится к 1877—1881 гг. и касается важнейших вопросов русской жизни того времени. Ближайшим поводом к возникновению переписки и одним из основных ее сюжетов был роман Тургенева «Новь», напечатанный впервые в «Вестнике Европы» (1877, №1 и 2).

Переписка Тургенева с Головниным дошла до нас далеко не полностью.

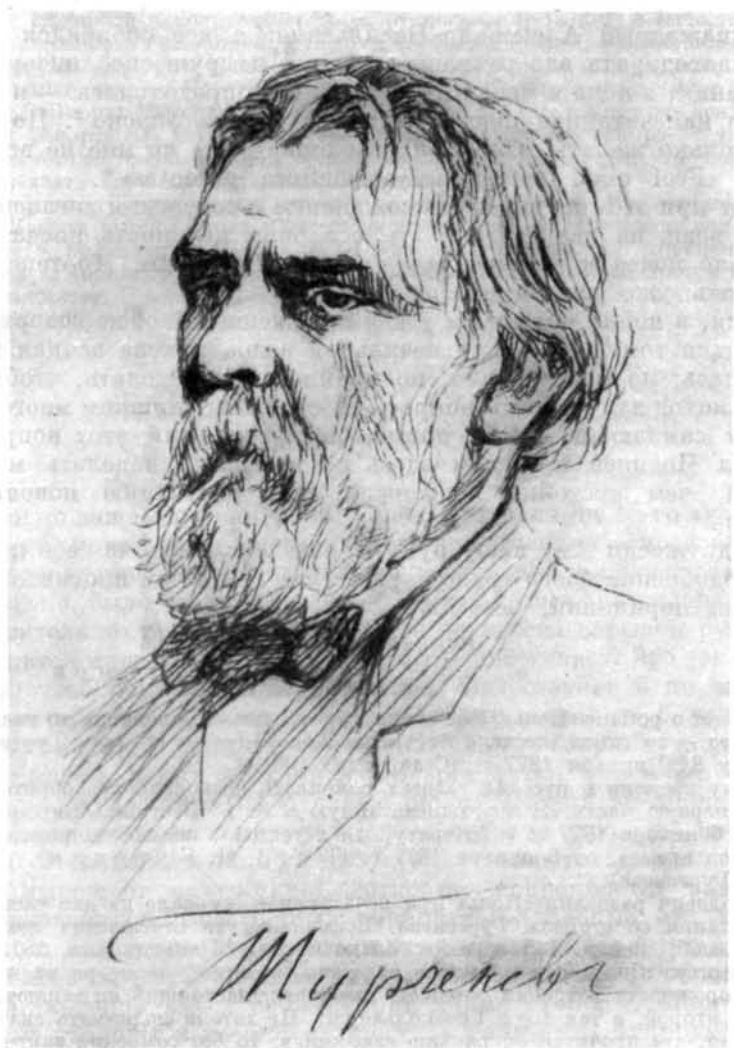
Публикуемые письма Тургенева датируются 1877 годом. Во многом перекликаясь с его письмами того же года к другим русским адресатам (Ю. П. Вревской, А. М. Жемчужникову, Я. П. Полонскому, М. М. Стасюлевичу и др.), они дают и некоторый дополнительный материал для характеристики взглядов писателя. Тургенев видел в Головнине искреннего в политических делах человека (см. письмо 8); и поэтому именно в письмах к нему он наиболее подробно высказал свои суждения о международных событиях (о ходе военных действий между Россией и Турцией, о дипломатической переписке и т. п.). Эти суждения Тургенева проникнуты живым патриотическим чувством. Для историка литературы в письмах Тургенева особый интерес представляют те места, где, отвечая на конкретные замечания Головнина, писатель дает авторские оценки ряда сцен и персонажей «Нови».

В публикуемых письмах Головнина привлекают внимание, в первую очередь, развернутые высказывания о «Нови». Не ограничиваясь разбором романа, Головнин затрагивает вопрос о революционном народничестве вообще; он согласен с той оценкой народничества 70-х годов, которая дана в «Нови». Однако мысли Головнина о народниках очень далеки от тургеневских. Как известно, отношение Тургенева к народникам-семидесятникам было очень сложным; отвергая их программу, писатель в то же время горячо сочувствовал их революционному подвигу. В письмах же Головнина высказано резко отрицательное, враждебное отношение к революционерам (см., в особенности, письмо 4). Таким образом, в письмах Головнина по существу содержится скрытая полемика с политическими взглядами Тургенева, несмотря на то, что по своему тону эти письма примыкают к наиболее благоприятным отзывам русской критики о «Нови».

До сих пор было опубликовано лишь одно письмо Тургенева к Головнину (от 19/31 января 1881 г.), в котором тот разрешал опубликовать свою записку о предполагавшемся журнале «Хозяйственный указатель» («Русская старина», 1883, №9, прилож., стр. 6; имя Головнина здесь скрыто под инициалами: А. В. Г **). Опубликована также одна записка Головнина к Тургеневу — приглашение на обед («Пушкинский сборник», вып. VIII. М., 1909, стр. 216); записка эта в «Пушкинском сборнике» не датирована; ее следует отнести, очевидно, ко времени последних приездов Тургенева в Россию (февраль — июнь 1880 г. или май — август 1881 г.). Однако из писем Тургенева к Стасюлевичу было известно о существовании, по меньшей мере, еще одного письма Тургенева к Головнину 1878 г. и одного письма Головнина к Тургеневу 1877 г. (Стас., стр. 108, 153). Наконец, в выпущенном Институтом русской литературы АН СССР «Бюллетене рукописного отдела» (П. М. — Л., 1950, стр. 68) зарегистрированы четыре неизданные письма Головнина к Тургеневу (те же сведения повторены в «Описании материалов Пушкинского дома. IV. И. С. Тургенев». М. — Л., 1958, стр. 36); необходимо отметить, что одно из указанных здесь писем Головнина (от 12 октября 1876 г.) попало в список по ошибке, так как оно адресовано не Тургеневу, а Н. В. Ханыкову.

Письма 1—8 публикуются по автографам, хранящимся в ЦГИАЛ (ф. 851, оп. 1, ед. хр. 48); письма Головнина (2, 4) воспроизводятся по черновым автографам, оставшимся в его бумагах, и, судя по ответам Тургенева, несколько отличаются от писем, которые он получил. Письма 9—11 печатаются по автографам ИРЛИ (5803, ХХХ б 93 и ф. 7, №142). Письмо 12 печатается по автографу ЦГАЛИ (ф. 509, оп. 1, ед. хр. 109).

В приложении к переписке Тургенева с Головниным публикуется (по автографу, хранящемуся в ЦГИАЛ, ф. 851, оп. 1, ед. хр. 48) с сокращениями письмо Н. В. Ханыкова к Головнину о 1-й части «Нови».

ТУРГЕНЕВ

Рисунок пером Э. К. Гаугер, 1870-е годы

Литературный музей, Москва

1. ТУРГЕНЕВ — ГОЛОВНИНУ

〈Париж. 15/27 января 1877 г.〉

Суббота. 27/15 янв. 77

Многоуважаемый Александр Васильевич; я все собирался отвечать вам и отблагодарить вас за ваше любезное и дружеское письмо насчет моего романа¹; а пока я медлил — судьба его определилась — и по всему видно, что напечатанная первая часть потерпела фиаско². Потому мне остается только желать, чтобы благоволение ваше ко мне не вполне вас ослепило. «Feci quod potui; faciant meliora potentes»³.

Не могу при этом не выразить сожаления о том, что я согласился разбить мою вещь на две части⁴; это ослабило цельность впечатления и даже подало повод к преждевременным заключениям. Но теперь этому горю помочь уже нельзя.

Кажется, и война потерпела у нас поражение. Вообще говоря, нельзя не радоваться тому, что такая печальная вещь, какова всякая война — не состоялась; но можно было, по крайней мере, желать, чтобы благоприятный исход запутанного вопроса не стоил бы слишком много нашему народному самолюбию. Да и полно, распутался ли этот вопрос?⁴

Генерал Черняев проездом здесь не преминул наделать множество пошлостей, чем достойно поддержал свою репутацию новоявленного Хлестакова⁵.

Засим дружески жму вашу руку и, еще раз позволив себе повторить, что ваше одобрение моего труда служит мне более чем противовесом многих других порицаний, остаюсь

искренне преданный вам

Ив. Т у р г е н е в

¹ Речь идет о романе «Новь». Упомянутое здесь письмо Головнина до нас не дошло; очевидно, это — то самое «лестное письмецо» Головнина, о котором Тургенев писал Стасюлевичу 8/20 января 1877 г. (Стас., стр. 108).

² К тому времени в русских газетах появилось несколько неodobительных рецензий на первую часть «Нови», напечатанную в № 1 «Вестника Европы» 1877 г.: «Голос», от 6 января 1877 г. («Литературная летопись»; подписано римской цифрой «IV»); «Новое время», от 6 января 1877 г. (Тор <В. П. Б у р е н и н>). Новый роман И. С. Тургенева).

³ Стасюлевич разделил «Новь» при печатании в журнале на две части, что вызвало нарекания со стороны Тургенева. Возможно, что Стасюлевич сделал это из цензурных соображений. Тургенев несколько позже (25 апреля н. с. 1877 г.) писал Юлиану Шмиту: «Спасибо дипломатии издателя, который, несмотря на мое нежелание, из осторожности разделил роман на две части: настоящий яд заключается, собственно, во второй, а так всё и проскользнуло. Не хотели поднимать скандала. Министр заявил, что прочитай он раньше всю книгу, то без сомнения запретил бы ее, но теперь и т. д.» («Вестник Европы», 1909, № 3, стр. 275).

Действительно, вторая часть «Нови» подверглась сильнейшим нападкам со стороны цензуры. Цензор Ведров писал в рапорте: «...впечатление романа, преимущественно его второй половины и окончания, ложится тяжелым гнетом на читателя <...> Даже после появления в свет начала романа <...> едва ли можно допустить в печать его окончание, так как в нем указывается только на раннее, несвоевременное движение в народ, а не на отсутствие горячих материалов». Лишь незначительным большинством голосов С.-Петербургский цензурный комитет разрешил опубликование второй части романа (IV, 507—508). Подробности о прохождении романа через цензуру и опубликовании его — см. в кн.: Ю. Г. О к с м а н. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1. Одесса, 1924, стр. 59—72.

⁴ Речь идет об обстоятельствах, которые предшествовали русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Россия требовала предоставить автономии народам Боснии, Герцеговины и Болгарии, боравшимся против турецкого гнета; она поддерживала Сербию, которая в июне 1876 г. объявила войну Турции. Неудачи сербских войск косвенно наносили удар по русскому престижу. Это усиливало опасность войны между Россией и Турцией. Надежда на предотвращение войны была вызвана тем, что в декабре 1876 г.

* «Я сделал всё что мог; кто может, пусть сделает лучше» (лат.).

к власти в Турции пришел Мидхат-паша (см. прим. 1 к письму 3), и там была провозглашена конституция. Ожидалось, что Турция в какой-то мере пойдет навстречу требованиям России и гарантирует права балканских славян. Однако балканский вопрос не был разрешен.

⁵ Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898) — генерал-лейтенант, реакционный демагог, склонный к политическому авантюризму. В 1876 г. в качестве добровольца принял должность главнокомандующего сербской армией, сражавшейся против Турции. Будучи бездарным военачальником, привел армию к поражению и был отстранен от командования. После этого разъезжал по Европе и выступал с воинственными речами. В Париж Черняев приехал 5/17 января 1877 г. и в тот же день принял французских репортеров. Он уверял, что Россия непременно вскоре вступит в войну, а также хвастался своими якобы большими связями при дворе, что и дало Тургеневу повод назвать его «новоявленным Хлестаковым».

Передовые русские люди оценивали Черняева резко отрицательно. М. Е. Салтыков-Щедрин высмеял его в «Современной идиллии» (1877), выведя под именем «страстующего полководца» Полкана Самсоновича Редеди. Об отношении Салтыкова-Щедрина к Черняеву — см. также в кн.: «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». Предисл., подготовка текста и коммент. С. А. Макашина. М., 1957, стр. 583, 585, 816.

2. ГОЛОВНИН — ТУРГЕНЕВУ

⟨Петербург. 21 января/2 февраля 1877 г.⟩

Петербург. 21 января 1877

Письмо ваше, почтеннейший Иван Сергеевич, от 15-го числа я получил сегодня и, хотя всегда подчиняюсь вашим мнениям относительно достоинства литературных произведений, но на этот раз не могу согласиться. Действительно, было бы лучше, если б «Новь» не была разделена на две части. Действительно, первая часть не была встречена взрывом рукоплесканий, и слышится много порицаний. Но что это доказывает? Это доказывает вовсе не то, чтоб роман был преисполнен недостатков и не имел больших достоинств, а то, что автор весьма верно попал в больные, чувствительные места, прижал их и заставил больных вскрикнуть. Опишите природу и крестьянских мальчиков («Бежин луг»), и все будут хвалить гениального художника. В «Нови» описаны нигилисты-пропагандисты, безумцы, недоученные, с полуразвитием, вовсе не знающие народ, который хотят бунтовать. Эти лица узнают себя и гневаются. Зеркало виновато. Но автор выражает сочувствие честности, искренности, самоотвержению заблуждающихся. Все рьяные порицатели, злобные преследователи их сердятся: как можно допустить в этих молодых извергах что-либо хорошее. Автор представил экземпляры членов модного, образованного общества, которое имеет свои неприглядные стороны. Многие находят в себе эти стороны и не могут простить тому, кто их подметил и выставил. Опять же зеркало виновато. К этому надо присоединить разные личные причины, неудовольствие иных редакторов, зависть писателей-собратов и т. п. Также отсутствие способности наслаждаться изящным, рабское следование моде и авторитетам. Нельзя во многих кружках похвалить то, что там принято порицать.

Я все же остаюсь при убеждении, что «Новь» принесет большую пользу, указывая безумцам, что им надобно учиться и учиться, а не идти переделывать строй общества, и докладывая власть имущим, что деяния неразвитых, недоучившихся молодых людей следует разбирать в педагогических советах и в судах исправительной полиции, при пособии психиатров, а не в верховном суде по делам политическим. — Я получаю «Le Temps» и радуюсь прекрасным переводам «Нови»¹. Литературное произведение, которое так хорошо на другом языке, должно иметь большие достоинства.

Относительно того, что говорите о войне, скажу — «вашими устами мёд пить». Ничего не могло бы случиться для нас счастливее, как если

бы грозные тучи разошлись. Нам нужен еще целый ряд годов мира, чтоб собраться с силами, отдохнуть и укрепиться материально и развиваться умственно. Нам следует еще работать, создать себе достаток и капитал знаний, а для этого требуется «блаженство сел, градов ограда — возлюбленная тишина». Кажется, это сказал еще Дмитриев ².

¹ Перевод «Нови» на французский язык, печатавшийся в 1877 г. (с 23 января н.с.) в парижской газете «Le Temps», принадлежал Дюран-Гревиллю. Тургенев был также высокого мнения об этом переводе (см. Письма к Пичу, стр. 191).

² Неточная цитата из оды М. В. Ломоносова «На день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года».

3. ТУРГЕНЕВ — ГОЛОВНИНУ

«Париж. 26 января/7 февраля 1877 г.»

Среда. 7-го фев. 77

Многоуважаемый Александр Васильевич.

Я уже за то должен быть благодарным «Нови», что она послужила вам поводом написать мне несколько интереснейших писем, которые я прочел и перечел с великим удовольствием. О самом романе до появления второй части и окончательного утверждения публичного мнения — говорить не буду; но надеюсь, что вы не откажетесь высказать мне *свое* мнение и об этой второй части. Боюсь я только, что вы как тонкий ценитель, да сверх того расположенный ко мне человек, прочтете между строками много такого — невысказанного или недосказанного, — что останется навсегда тайной для обыкновенного чтеца. Там, где вы найдете возможным хвалить, — он будет только недоумевать. Но об этом о всём — после.

Итак, Мидхат-паша свалился, уцелеет ли его фантасмагорическая конституция? ¹ Это — попал козырь в ремизную игру Горчакова ²; но захочет ли он уцепиться за него, чтобы попытаться отыгаться? Говорят, что надо уметь чёрту в глаза смотреть; и потому нечего скрывать от себя, что наш так называемый *престиж* в Европе пострадал сильно; мне один француз вчера сказал, что «вы, мол, теперь должны чувствовать нечто подобное тому, что мы чувствовали после поражений 70-го года»; я ему, конечно, отвечал, что и сравнения быть не может; однако уж и то замечательно, что француз, и очень не глухой и не *шовень** — мог так выразиться. Но как этому горю помочь? — Мне другой француз сказал однажды, передавая прескверный для него анекдот, как ему кто-то дал пощечину — а он отомстить не мог: *Du moment que je n'ai pas pu le tuer, j'ai dû faire semblant de ne pas avoir reçu de soufflet; et je l'ai fait***. — Но вам трудно было? — Да, — отвечал он, — весьма трудно, пока я сам другому пощечины не дал. — Применить подобное средство к политическим делам — вещь нелегкая... Но что-нибудь в этом роде придется совершить.

Не могу вам передать, как мне было стыдно и больно за себя в качестве русского — во все время как этот пошлый Хлестаков-Черняев здесь ломался и дурачился. Он уехал — оставив за собою впечатление самохвала и шута — но, к сожалению, должен скоро вернуться, снова окружит себя репортерами, которые чуть не в нос ему смеются, будет ругать наше войско, Д. Милютин ³, будет рассказывать, как он заставил государя то-то и то-то сделать и т. д. Вот навязался противный хлыщ! Ему

* от франц. *chauvin* — шовинист.

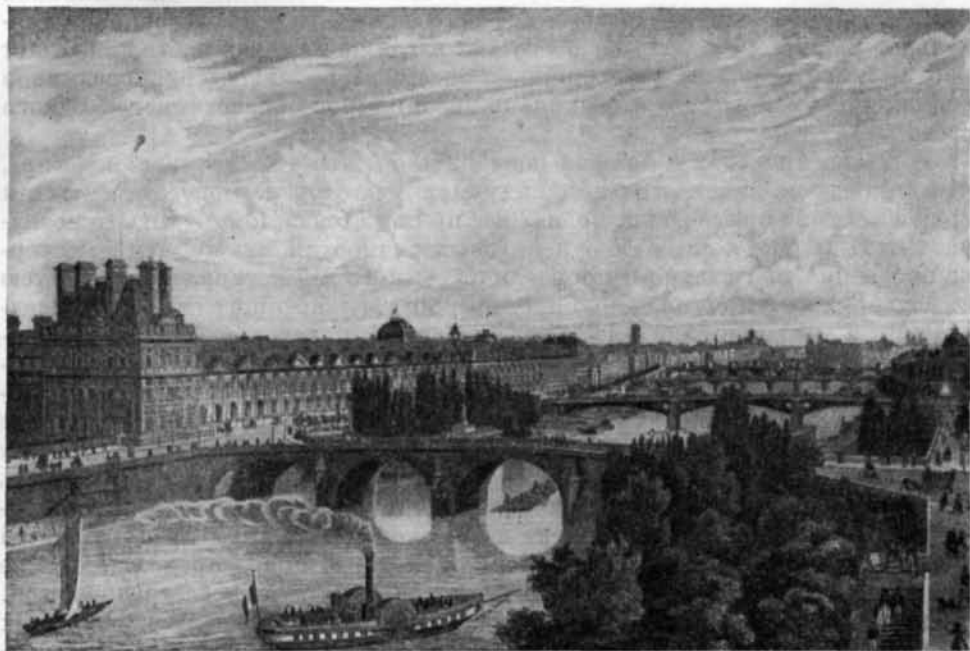
** Поскольку я не смог его убить, я должен был делать вид, что не получил пощечины; и я делал это (франц.).

бы в землю провалиться от стыда — а он как медный грош! ⁴— Если встретите И. П. Арапетова ⁵, скажите ему, что я винюсь перед ним — он уже знает в чем — и что он был тысячу раз прав!

Очень было бы лестно совершить плавание на «Петре Великом» — да где! — у меня под подошвами корни выросли... Я с места двинуться не могу.

Засим крепко и дружески жму вашу руку и остаюсь навсегда преданный вам Ив. Тургенев

¹ Мидхат-паша (1822—1884) — турецкий государственный деятель, с 1876 г. руководитель партии «Молодая Турция», требовавшей введения конституции и ограничения власти султана. 23 декабря 1876 г. занял должность великого везира и представил проект конституции, которая была торжественно провозглашена султаном.

ПАРИЖ. ВИД НАБЕРЕЖНОЙ Д'ОРСЕЙ

Гравюра Ж.-Б. Шамуэна, 1855 г.

Литературный музей, Москва

5 февраля 1877 г. был смещен султаном с должности великого везира и выслан из пределов Турции. Тогда же было объявлено, что конституция будет проводиться в жизнь, но это обещание не было выполнено.

² Александр Михайлович Горчаков (1798—1883) — русский дипломат; в 1856—1882 гг. — государственный канцлер и министр иностранных дел. Говоря о «ремизной игре Горчакова», Тургенев имел в виду дипломатическую подготовку к объявлению Россией войны Турции. Смещение Мидхат-паши и восстановление абсолютистского режима в Турции расценивалось как нежелание Турции пойти навстречу русским требованиям и потому усиливало напряженность в русско-турецких отношениях. Ср. в письме Тургенева к Ю. П. Вревской от 26 января/7 февраля 1877 г.: «Пришедшее вчера известие о падении Мидхат-паши может опять изменить положение дел и возобновляет шансы Горчакова и войны» («Щукинский сборник», вып. V. М., 1906, стр. 489).

³ Дмитрий Алексеевич Милютин (1816—1912) — военный министр (1861—1881). К авантюристическим действиям Черняева в Сербии относился отрицательно (см. «Дневник Д. А. Милютина», т. II. М., 1949, стр. 53, 56, 79); этим, вероятно, и было вызвано озлобление Черняева.

⁴ Черняев уехал из Парижа 19/31 января 1877 г.

⁵ Иван Павлович *Арапетов* (1811—1887) — директор канцелярии Департамента уделов, деятель крестьянской реформы, хороший знакомый Тургенева; автор статей на экономические темы, печатавшихся в «Отечественных записках» и «Современнике».

4. ГОЛОВНИН — ТУРГЕНЕВУ

〈Петербург. 2/14 февраля 1877 г.〉

Петербург. 2 февраля 1877

Почтеннейший Иван Сергеевич.

Получив февральскую книжку «Вестника Европы», я тотчас же прочел вторую часть «Нови» и теперь знаю ваше создание в целом виде. Никого еще не видел, кто читал бы вторую часть, и не видел, конечно, никакой газетной статьи о ней. Поэтому всё, что скажу, будет собственное самодельное мнение, независимое от чужих взглядов. Вторая часть дополняет картину, представляющую несколько экземпляров наших проповедников социального переворота и несколько экземпляров образованного модного света.

О пропагандистах я должен повторить то, что уже писал вам ¹, т. е., что никогда не видал этих индивидуумов и потому не могу относиться к вашей картине критически, но из нее приходится самому учиться познавать их. Сколько я слышал о некоторых личностях, скажу, что вы совершенно верно представили: пропагандиста, который потерял веру в затею своего кружка и кончил самоубийством; другого, которого связали и представили в полицию сами крестьяне, которых он хотел взбунтовать; женщин, которые, ничего не понимая, отдавали себя в слепые орудия других, коим слепо верили и подчинялись; человека поумнее прочих, который отлагал возможность реформы до отдаленного будущего, а между тем не позволяя приятелям разливать свой яд между его рабочими. Если к этому присовокупить молодость, неразвитость, невежество, ограниченность и смешную гордость и самомнение ваших опростелых, желающих опроститься, — то всё явление нигилистической пропаганды представляется мне *преходящим, ничтожным* явлением, которое долго продолжаться не может, цели не достигнет и из-за которого не стоит много тревожиться. Деятели этой пропаганды заслуживают места на скамьях подсудимых в самых низших судах исправительной полиции и взысканий педагогических, работ в земледельческих исправительных колониях, с ученьем ремеслам. Мне сдается, что вы оказали услугу нашей молодежи, ибо многим из них будет стыдно попасть в Неждановы и Маркеловы, но вы также принесли нам общую пользу тем, что разъяснили иностранцам, как сильна Россия отсутствием в ней серьезных революционных элементов и как ничтожны и безумны заблуждения ничтожнейших личностей. Нашему государственному строю, внутреннему спокойствию, целостности капиталов и неприкосновенности собственности не предстоит ни малейшей опасности. Нам нужно бы побольше узнать действительные потребности края, действительные неурядицы в нем, а для этого нужен больший простор прессы. Я не верю официальным отчетам и ревизиям, потому что они укладываются спокойно в архивы. Их никто не поверяет и никто не критикует, и потому в них можно писать всё что угодно и заблуждаться добросовестно и недобросовестно. Совсем не то журнальная статья. На нее накидываются все другие журналы, других партий, ее критикуют, разбирают по косточкам, подмечают все ошибки. Но для этого нужно больше простора печати и много журналов. Всего хуже богатые газетчики-монополисты. При большем просторе печати правительство видело бы, как перед ним копошатся, спорят печатно, критикуют друг друга, слушало бы, улыбалось и узнавало бы истину, а это-то ему и нужно.

Паклина арест Маркелова. Он пошел бы для этого к ней в комнату и рассказал бы наедине. Машурина находит Марианну красавицей, а прежде Марианна была описана как некрасивая особа. Вот заметки с натяжками. Я смотрел в микроскоп, чтобы найти пылинки, потому что вы непременно хотели этого.

Прибавлю к слишком длинному письму, что сенатор Петерс давал мне читать книжонки, распространяемые пропагандистами⁵. Что за нелепость, какая дичь, чепуха и бездарность. Я не имел терпения прочесть целиком ни одной, просмотрел, перелистал и возвратил.

¹ Это письмо Головнина к Тургеневу не дошло до нас.

² Неточная цитата и сатиры Салтыкова-Щедрина «Завещание моим детям» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. VII. Л., 1935, стр. 33).

³ Черняева поддерживали наиболее реакционные газеты, такие, как «Русский мир» и «Московские ведомости». После поражения сербской армии, когда русское общественное мнение было сильно восстановлено против Черняева, «Московские ведомости» пытались оправдать незадачливого полководца, снять с него вину за происшедшее («Московские ведомости», 1876, 1 декабря). Однако попытка «Московских ведомостей» реабилитировать Черняева в глазах общественного мнения не увенчалась успехом. В других газетах появились отрицательные отзывы о нем. Например, в фельетоне «По белу свету», который был помещен в «Голосе» 14 января 1877 г., о Черняеве говорилось в весьма иронических выражениях («неудавшийся Варвик, делатель королей», «достопадный побежденный» и т. д.).

⁴ Черняев пользовался широкой идеологической и материальной поддержкой московского Славянского комитета, возглавлявшегося И. С. Аксаковым (С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. М., изд. МГУ, 1960, стр. 260—351).

⁵ Карл Карлович Петерс — сенатор; в 1877 г. председательствовал на заседании «процесса 50-ти» (см. прим. 1 к письму 6). Петерс давал читать Головнину, очевидно, те пропагандистские брошюры, которые упоминались в обвинительном акте на этом процессе: «Емелька Пугачев» (Л. А. Тихомирова), «Сказка о четырех братьях» (его же), «Чтой-то, братцы» (Л. Э. Шишко), «Хитрая механика» (В. Е. Варзара), «Сказка о копейке» (С. М. Кравичинского), «Сборник новых песен и стихов» (разных авторов) и др. Эти брошюры были отпечатаны (анонимно или под псевдонимами) в жевневской типографии народников. «Сказка о четырех братьях» упоминается в «Нови» (гл. XXIX); первоначально Тургенев намеревался упомянуть также и «Хитрую механику» (IV, 520).

5. ТУРГЕНЕВ — ГОЛОВНИНУ

«Париж. 8/20 февраля 1877 г.»

Вторник, 20/8 февр. 1877

Многоуважаемый Александр Васильевич, получил я ваше обстоятельное и интересное письмо — и отвечаю немедленно. Вы так сочувственно отнеслись к моей последней работе, что я считаю долгом представить вам некоторые возражения — скорее оправдания — на ваши критические указания.

а) Что касается до итальянского паспорта Машуриной — вы совершенно правы: это была с моей стороны шалость, которую не следовало допускать в серьезном произведении¹.

б) Полагаю, что и упрек ваш в слишком большом заискивании Сипягина у Соломина также справедлив — хотя я замечал нечто подобное в весьма важных лицах, когда им был кто-нибудь нужен — как Соломин для фабрики; тут я, вероятно, несколько пересолил.

с) Думаю также, что я мог бы придать лицу Марианны несколько больше красоты; читатель не должен думать, что она — уродец. Это я исправлю в отдельном издании.

д) Что касается до сцены наедине между Сипягиным и Маркеловым, которую губернатор непременно должен был устроить, то в этом случае чувство ваше было очень верно; у меня в конспекте даже была назначена эта сцена², но я в исполнении должен был ею пожертвовать, потому что Маркелов неизбежно должен был разразиться такою антиправитель-

ственным, революционную бранью, какую бы ни одна цензура не пропустила; а вам известно — какой «pagtow escape»* имела вторая часть и так. Мне осталось одно средство: предположить, что Маркелов «презирает» — и не хочет сам никаких объяснений. Впрочем, можно будет прибавить, что ему предлагает губернатор tête-à-tête — но что он отказывается³.

е) Насчет измены — выдачи друзей Паклиным — я не могу согласиться. Потрудитесь перечитать его разговор с Сипягиным в карете — и вы увидите, что у него это выскакивает невольно — и то в надежде помочь этим своим друзьям. Он даже не называет фабрики — а только теряется. Он и самого себя упрекает не в измене — а в слабости и трусости. Тут нет ничего противоречащего его характеру, каким я его вывел.

ф) Можно было — точно — удалить Паклина во время сообщения Сипягиным своей жене об аресте брата — но это бы несколько замедлило ход действия — да и к тому же Паклин был слишком ничтожен в глазах Сипягина... Он считал его вроде мебели.

Вот вам и маленькая защита «pro domo sua»**. Надеюсь, что вы не увидите в ней то, что французы называют *ergoterie**** — а признаете в ней желание показать вам, как вески и дельны кажутся мне ваши замечания.

Ведь вы до весны останетесь в Петербурге? Рассчитываю застать вас там. Будет ли война или нет (первое мне еще кажется более вероятным — несмотря на последние мирные веяния) — я непременно приеду в Россию.

Засим желаю вам всего хорошего и дружески жму вам руку.

Преданный вам

Ив. Тургенев

P. S. Если увидите Арапетова — поклонитесь ему от меня.

P. P. S. А дело о пенсии девицы Ивен⁴ (дочери флотского врача) — так и замерло!

¹ Замечание насчет итальянского паспорта Машуриной в том тексте, который опубликован выше (п. 4), отсутствует. Это показывает, что окончательные редакции писем Головнина, отправленных к Тургеневу, несколько отличались от черновиков.

² В конспекте «Нови», который опубликован А. Мазоном («L'élaboration d'un roman de Tourguénev. Terres vierges, par A. Mazon». — «Revue des études slaves», t. V, Paris, 1925), эта сцена не зарегистрирована.

³ Ни одной из предложенных Головниным поправок Тургенев при переизданиях «Нови» не реализовал.

⁴ Прощение девицы Ивен, присланное Головнину Тургеневым, было передано для доклада в. к. Константину Николаевичу — «президенту музыкальной консерватории». Об этом Головнин сообщал Н. В. Ханыкову в письме от 26 ноября/ 8 декабря 1876 г. (ЦГИАЛ, ф. 851, оп. 1, ед. хр. 48, л. 46).

6. ТУРГЕНЕВ — ГОЛОВНИНУ

[<Париж. 25 февраля/9 марта 1877 г.]

!

【Пятница, 9-го марта 1877

Многоуважаемый Александр Васильевич, всякое мое письмо приходится начинать с выражения благодарности, что, впрочем, нисколько не тяготит меня, ибо я не придерживаюсь правила — «que l'ingratitude est l'indépendance du cœur»****. Девица Ивен дала мне знать, что

* Английское идиоматическое выражение. Приблизительно переводится: «висела на волоске».

** «самого себя» (лат.).

*** спор из-за мелочей, вздорная болтовня (франц.).

**** «что неблагоприятность означает независимость сердца» (франц.).

получила 400 р. сер. — и уже послала благодарственное письмо в Петербург великому князю. А я говорю вам великое спасибо за доставленные сведения. Вы не можете себе и представить, как бы мне хотелось присутствовать на процессе, который начался в Сенате, и воочию увидеть всех этих полубезумных детей...¹ Но едва ли я могу вырваться отсюда раньше трех недель! — Факт знаменательный — и ни в какой другой земле — *решиительно ни в какой* — невозможный: из 52-х политических преступников — 18 женщин!!² А мне г-да критики говорят, что я выдумал Марианну, что таких личностей не бывает! Французы, с которыми я об этом говорил, решительно в недоумении. Один из них сказал мне: «C'est comme si cela se passait dans la lune: nous n'y comprenons rien!»* Всё новое — хорошее или дурное — всегда начинается с женщин.

Ваш комментарий на стихотворение Рылеева³ поразителен: на этот раз поэт был точно пророком — *vates*** . А что вы меня предупреждаете насчет лести — это напрасно: представление об А. В. Головнине и представление о лести — несовместимы; *ces deux mots hurlent de se trouver ensemble****.

Вам известно, что Игнатъев⁴ здесь. В Париже толкуют, что цель его поездки — добиться хоть какого-нибудь ответа на запрос Горчакова⁵; действительно: такого бесцеремонного обращения с первостепенной державой — еще примера не было. Полагаю, что мы наконец не выдержим — струна наконец лопнет — и хоть против воли и желания всех — бросимся в войну.

Здесь также убеждены, что втайне Бисмарк желает войны — *a se que B<ismarck> veut — Dieu le veut*****.

Извините, что пишу такое коротенькое письмо: я простудился — и не совсем здоров. Но я не хотел откладывать долее мой ответ.

Крепко жму вашу руку и остаюсь

душевно вам преданный

Ив. Тургенев

¹ 21 февраля с. с. 1877 г. открылись заседания «Особого присутствия Правительствующего сената для рассмотрения дел о государственных преступлениях» (этот процесс известен под названием «процесса 50-ти»). К суду была привлечена большая группа народников-семидесятников, обвиненных в антиправительственной пропаганде. Подсудимые держались на суде очень независимо и стойко, в особенности П. А. Алексеев и С. И. Бардина.

² Неточность: на процессе было 50 подсудимых, из них 16 женщин (см. сб. «Процесс 50-ти». С пред. В. Каллаша. М., изд. В. М. Саблина, 1906).

³ О каком стихотворении Рылеева идет речь — не установлено.

⁴ Николай Павлович Игнатъев (1832—1908) — генерал-адъютант; в 1864—1877 гг. был послом в Турции. В феврале-марте 1877 г. с целью выяснить позицию европейских держав в предстоявшей русско-турецкой войне посетил Берлин, Париж, Лондон и Вену. В Париж Игнатъев прибыл 8 марта н. с.

⁵ 6/18 января 1877 г. Турция, тайно поддержанная английской дипломатией, отвергла ультиматум европейских держав, включавший требование предоставить автономно балканским славянам, на чем особенно настаивала Россия. После этого (19/31 января) А. М. Горчаков направил русским послам в Германии, Австро-Венгрии, Франции, Англии и Италии циркуляр, в котором говорилось: «Отказ турецкого правительства затрагивает достоинство Европы и ее спокойствие. Нам необходимо знать, как отзовутся на этот отказ и чем намереваются обеспечить исполнение своих требований кабинеты, действовавшие доселе заодно с нами. Вам предлагается осведомиться об этом по прочтении этой депеши и вручении копии с нее министру иностранных дел» (полный текст был опубликован в русских газетах 24 января с. с. 1877 г.).

* «Это происходит как будто на луне: мы ничего в этом не понимаем» (франц.).

** пророком, вдохновенным певцом (лат.).

*** эти два слова несовместимы (франц.; буквально: эти два слова вопят, оказавшись рядом).

**** чего хочет Б<исмарк> — хочет бог (франц.).

А. В. ГОЛОВНИН

Гравюра Ф. А. Меркина, 1887 г.

Исторический музей, Москва

7. ТУРГЕНЕВ — ГОЛОВНИНУ

〈Париж. 3/15 апреля 1877 г.〉

Воскресение, 15/3 апр. 77

Многоуважаемый Александр Васильевич, не знаю, как благодарить вас за присылаемые вами документы, отрывки статей и т. п. Некоторые из этих документов, как, например, стихотворение, обращенное к судьям от имени Фигнер¹, положительно знаменательны. Сочувствие ваше к литературной моей деятельности меня радует и трогает. Еще раз спасибо.

По многим признакам замечено, что началась как бы реакция в пользу «Нови»². На первых порах критика была, очевидно, слишком строга. Всё это обойдется, я надеюсь — а останется та посильная польза, которую я все-таки принес.

Извините, что не тотчас отвечал на ваш запрос относительно правила, будто бы принятого членами палат, — не предлагать нового расхода, увеличения пенсии и т. д. По собрании точных справок оказывается, что каждый депутат имеет право это сделать — но редко им пользуется, так как всякое обременение бюджета непопулярно; однако бывали примеры, что такого рода предложения возникали по инициативе депутатов³.

Очень мы все озабочены близостью и неизбежностью войны. Общественное мнение раздражается противу нас, и особенно Англия подливает масло в огонь. У каждого русского невольно сжимается сердце при мысли о будущем.

Я выезжаю отсюда через две недели⁴ — и по приезде в Петербург, конечно, немедленно увижусь с вами. А до тех пор желаю вам всего хорошего — и прошу верить в искренность уважения и дружеские чувства

преданного вам Ив. Тургенева

¹ Имеется в виду известное стихотворение А. Л. Боровиковского «К судьям» («Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...»), написанное в форме речи подсудимой и посвященное одной из жертв «процесса 50-ти» — Лидии Николаевне Фигнер.

Подробный комментарий (С. А. Рейсера и А. А. Шилова) к этому стихотворению см. в кн.: «Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Л., 1959, стр. 768—769 («Библиотека поэта». Большая серия).

² К тому времени положительные отзывы о «Нови» появились в «Вестнике Европы» (№ 3), в «Стрекозе» (№ 3, 4), в «Неделе» (№ 3). Ср. письмо Тургенева к Стасюлевичу от 22 января/3 февраля 1877 г., в котором он благодарил за присылку № 3 «Недели», где, как он писал, «есть слова», которые его «тронули» (Стас., стр. 111). Ср. также в письме Тургенева к Стасюлевичу от 28 января/9 февраля: «Благодарю вас за присылку моей покровительницы „Стрекозы“» (там же, стр. 113).

³ Об этом же Головин запрашивал русского посла в Париже кн. Н. А. Орлова. 17/29 марта 1877 г. Орлов отвечал Головнину, что, по словам Тьера, было несколько случаев, когда расходы увеличили по предложению членов палат (ЦГИАЛ, ф. 851, оп. 1, ед. хр. 48, лл. 9—10 об.).

⁴ Тургенев выехал из Парижа в Россию 17/29 мая 1877 г. («Летопись», стр. 259).

8. ТУРГЕНЕВ — ГОЛОВНИНУ

«Буживаль. 26 сентября — 9 октября/8—21 октября 1877 г.»

Буживаль.

Понедельник, 8-го окт./26-го сент. 77

Я так долго промешкал ответом на ваше любезное письмо¹, почтеннейший Александр Васильевич, что мне приходится теперь уже писать вам на вашу петербургскую квартиру. Мое молчание тем неизвинительнее, что ваше письмо, в котором вы передавали мне впечатления, вынесенные вами из поездки по России, было чрезвычайно интересно — и должно было — хоть из благодарности — вызвать немедленный ответ. Единственным моим оправданием может служить то обстоятельство, что в силу событий, совершившихся и совершающихся на родине, — я так же неохотно вступал в письменные, как и в житейские сношения с людьми — и, казалось, готов был зарыться и уйти в землю². Однако невозможно вечно жить медведем, тем более, что не предвидится скорой перемены в тех печальных событиях — и я берусь за перо.

Так как я уже заговорил об этих событиях — то позвольте мне поставить вам вопрос, который поднимается теперь со дна души всякого русского человека: какая причина — настоящая, главная — того фиаско наших восточных и военных дел, размеры которого превышают и собственные наши опасения и тайные надежды врагов? Что это всё — случайность, более или менее тяжелая, исконное наше неумение на первых порах — или симптом глубокого и коренного недуга? Должен вам сознаться, что чуть не денно и ночно размышляю об этом вопросе — и ни к какому удовлетворительному результату прийти не могу. Не дадите ли вы хоть какое-нибудь указание, могущее вести к разрешению этой задачи — так как вы некогда сами — по французскому выражению — «avez mis la main à la pâte»?*

Воскресение, 21-го/9-го окт. (ября 1877)

По выставленному числу вы можете увидеть, почтеннейший Александр Васильевич, что письмо мое залежалось — а с тех пор совершились два важных события: победа наша в Малой Азии³ — и здешние выборы. Нечего говорить вам, как сильно я порадовался первому событию (а то, просто, здесь хоть на глаза не кажись) — но и оно не разрешило всех сомнений, которые постоянно возникают во мне — и выражением которых исполнено начало этого письма. А потому все-таки земно поклонился

* «приложили руку» (франц.).

бы вам, если б вы удостоили мой вопрос хотя кратким ответом. Что же касается до здешних выборов — то, к сожалению, должен сказать — они доказали только одно: постоянное возрастание во Франции гнусной бонапартистской партии — и явное участие в заговоре маршала Мак-Магона ⁴, который теперь, более чем когда-нибудь, будет идти напролом, «jusqu'au bout»* — и который уже теперь готовит все пути к возвращению Наполеона IV. Французы никогда не имели сильного и крепкого чувства свободы; в течение последних пяти месяцев они потеряли чувство законности: они в этом роде снесли и допустили и оправдали то, что в глазах всякого человека правдивого и справедливого хуже и гаже всякого насильственного переворота. Будущее является мне в темных красках.

Здоровьем я своим доволен — подагра меня не тревожит — и если ничего особенного не случится, в декабре месяце я в Петербурге ⁶.

Примите уверение в моем искреннем уважении и нелицемерной дружбе.

Преданный вам
Ив. Тургенев

¹ Упомянутое здесь письмо Головнина не дошло до нас.

² Летом 1877 г. ход войны был неудачен для русской армии, особенно на Балканском театре военных действий. Медлительность главного командования русской армии и отсутствие у него ясного оперативного плана привели к тому, что туркам удалось укрепить город Плевну, имевший важное стратегическое значение, и сосредоточить там крупные военные силы. 20 и 30 июля русские дважды штурмовали Плевну, но вынуждены были отступить, понеся огромные потери (Плевна была сдана турками лишь 10 декабря 1877 г.). На Кавказском театре русские войска в июле 1877 г. были задержаны у Зевина и отступили; неблагоприятно складывалась для русских и обстановка в районе Карса, который удалось взять штурмом только в ноябре.

³ 3/15 октября 1877 г. русские одержали крупную победу над турками в Малой Азии (под Аладжой).

⁴ Маршал Мак-Магон (1808—1893) был президентом Франции с 1873 г. по 1879 г. Стремился ликвидировать республиканскую форму правления и восстановить во Франции монархические порядки. Однако предпринятые Мак-Магоном попытки государственного переворота не удалось, и в 1879 г. он был вынужден выйти в отставку.

В письме Тургенева речь идет о следующих обстоятельствах внутриполитической борьбы во Франции: 16 мая 1877 г. Мак-Магон вынудил выйти в отставку премьер-министра республиканца Жюль Симона и провел на этот пост своего ставленника монархиста герцога де Бройля. Де Бройль не пользовался поддержкой палаты депутатов, в которой большинство имели республиканцы. 25 июня Мак-Магон распустил палату депутатов и назначил новые выборы. Во время предвыборной кампании на избирателей оказывался нажим. В результате выборов 14 октября республиканцы сохранили большинство в палате, но число монархистов в ней несколько увеличилось.

⁵ Эта поездка не состоялась. Тургенев приехал в Россию лишь 27 июля/8 августа 1878 г. («Летопись», стр. 270).

9. ГОЛОВНИН — ТУРГЕНЕВУ

⟨Петербург. 24 марта/5 апреля 1878 г.⟩

Петербург. 24 марта 1878

Получил я ваше письмо от 18/30 марта ¹, дорогой Иван Сергеевич, но не признаю себя побежденным. Вы говорите, что, «проживая постоянно за границей, вы не в состоянии продолжать тех пристальных наблюдений над русской жизнью, без которых невозможно воспроизводить ее с верностью». Но, умоляя вас не бросать перо, я вовсе не имел в виду непременно явления современные. Для нас дороги ваши картины прошлого. Возьмите толстую тетрадь, напишите на ней «Мои воспоминания. Negotium in otio**»

* «до конца» (франц.).

** Занятие на досуге (лат.).

⁶ Литературное наследство, т. 73, кн. вторая

и дайте волю перу. Через несколько времени вы скажете сами: «и песня, по мере как пелась, невидимо свой расширяла охват, и вольный лился без различия лад, для всех, кому слушать хотелось»² — а заслушается вся русская земля, все, у кого есть чувство изящного, у кого бьется сердце к добру. Далее вы говорите: «впрочем, мне теперь не до литературы. Я очень встревожен настоящим положением наших дел». Ответствую: именно теперь, в годину усложнений неслыханных, бывших и предстоящих страданий, надобно насильно переносить свои мысли на другие предметы, чтоб дать голове и сердцу временный отдых. Для этого Рейтерн³ занимается спектральным анализом, я читаю «Илиаду». Счастлив тот, кто в самом себе, как вы, находит другой чудный мир, куда может убежать на время и забываться. О нас же, не имеющих одного, должно сказать:

«Erquickung hast du nicht gewonnen,
Wenn sie dir nicht aus eigner Seele quillt»⁴.

Искренне преданный вам

Г о л о в н и н

Письмо процитировано в ЛА т. IV, стр. 345—346.

¹ Упомянутое здесь письмо Тургенева не дошло до нас.

² Цитата из баллады А. К. Толстого «Слепой».

³ Михаил Христофорович Рейтерн (1820—1890) — министр финансов в 1862—1878 гг.

⁴ Цитата из «Фауста» Гёте (ч. I, сцена 1).

10. ГОЛОВНИН — ТУРГЕНЕВУ

«Петербург. 6/18 мая 1878 г.»

Петербург, 6/18 мая 1878

Очень благодарю вас, почтенный Иван Сергеевич, за письмецо от 1/13 числа¹ и за обещанные сведения о книгах и очень, очень жалею о повторившемся припадке аристократической болезни вашей. Я полагаю в половине этого месяца переехать на все лето в Царское Село, на дачу моей матушки (Волконское шоссе, № 3). Очень буду рад увидиться с вами. Если по приезде в Петербург вы меня уведомите, я постараюсь приехать в город.

Мы переживаем один из самых важных моментов русской истории. Более двух лет происходит ежедневный телеграфический разговор между разными правительствами, непрерывный обмен депеш, нот, писем, мемуаров, происходят разговоры, ездят, толкуют, сердятся, мирятся, но из всего этого я узнаю только то весьма немногое и весьма неверное, что сообщают газеты, и потому ни о чем судить основательно не могу. Мне кажется, что я на большой фабрике и вижу только часть оной, а остальная часть отделена занавесом. Передо мною вертятся и скрипят колеса, суетятся люди, топятся печи, звучат молоты, проносятся едкий дым, везде шум, движение, но разумной воли, которая все это направляет, я не вижу, причины, цели того или другого движения угадать не могу. Это скрыто занавесом. Мне же представляется хаос. Утешаю себя мыслью, что все происходит разумно, все идет правильно, но что от меня это скрыто. Конечно, Россия не погибнет. На планете Земля останется огромная территория с населением, называющим себя русскими, но желательно, чтоб это население было здорово, богато, счастливо, развивалось правильно, наслаждалось плодами честного труда и чтоб на него не обрушилась масса

* «Ты не обрешь отрады, если она не бьет ключом из твоей собственной души» (нем.).

Посылки принимаются
только по адресу: на уезд
Министерства, в Московском
уезде, на адрес: Едино
личному почтовому.

Цена подписки в год 20 коп.

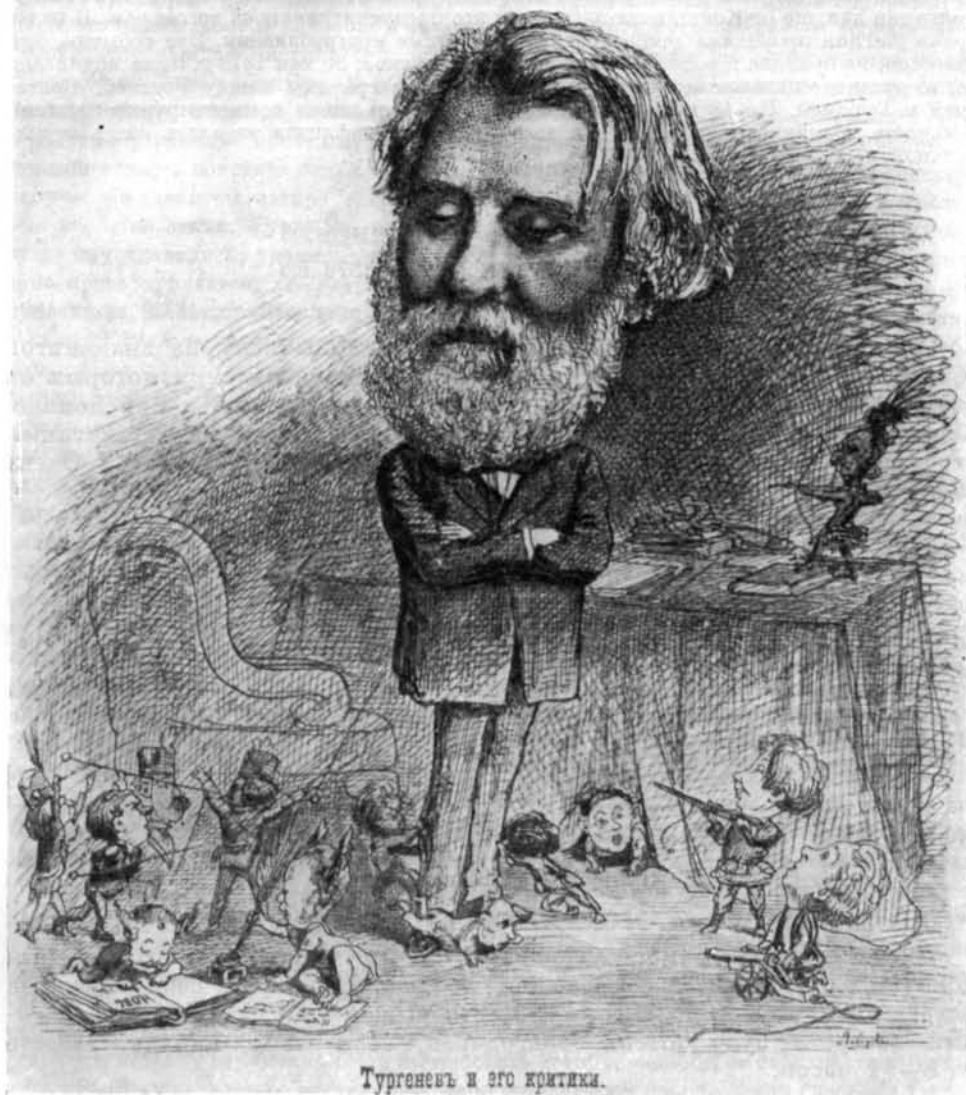
Цена за доставку
за доставку посылки посылки.

СТРЕКОЗА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

Условия подписки:

в С.-Петербурге:
в год 20 коп. в год 20 коп.
в год 20 коп. в год 20 коп.
в год 20 коп. в год 20 коп.
в год 20 коп. в год 20 коп.
в год 20 коп. в год 20 коп.
в год 20 коп. в год 20 коп.
в год 20 коп. в год 20 коп.

Тургенев и его критики.

«ТУРГЕНЕВ И ЕГО КРИТИКИ»

Шарж А. И. Лебедева. Литография
«Стрекоза», 1877, январь, № 4

бедствий, результатом которых будут болезни, страдания, бедность, ослабление, неправильное действие ума, недовольство и вообще все содержимое в ящике Пандоры, а война с Англией² раскроет этот ящик, мы с вами уже не увидим красных дней. Внуки наши, быть может, увидят.

Преданный вам
Г о л о в н и н

¹ Упомянутое письмо Тургенева не дошло до нас.

² С самого начала русско-турецкой войны Англия, боявшаяся усиления позиций России на Балканах, вела политику, враждебную России. Напряженность в англо-русских отношениях сохранилась и после того, как 3 марта н. с. 1878 г. Россия и Турция подписали мирный договор в Сан-Стефано. Англия требовала отодвинуть границы Болгарии дальше от Константинополя, чем это предусматривалось договором. В то же время Англия проводила демонстративные военные приготовления. Эти события, как известно, не привели к войне между Россией и Англией; 30 мая 1878 г. было подписано англо-русское соглашение, устанавливавшее новые границы между Россией, Болгарией и Турцией. Но 18 мая 1878 г., когда Головин писал комментируемое письмо, опасность возникновения англо-русского военного конфликта казалась очень значительной.

11. ГОЛОВНИН — ТУРГЕНЕВУ

〈Царское Село. 16/28 июля 1879 г.〉

Царское Село. 16/28 июля 1879

Посылаю вам, почтенный Иван Сергеевич, выписку из знаменитой речи Ренана¹, с именами некоторых из тех членов Академии, которых он хвалит не называя. Эти имена я написал по догадкам и при помощи Сипягина из «Нови»². Скажите, пожалуйста, верно ли мы с Сипягиным угадали, и назовите тех, которых мы вовсе не умели угадать. Очень обяжете.

Преданный вам
Г о л о в н и н

¹ Здесь говорится о речи, произнесенной Эрнестом Ренаном (1823—1892) в 1879 г., по случаю избрания его членом Французской академии. В этой речи, согласно традиции, Ренан хвалил своих предшественников.

² Предполагаем, что в данном случае под «Сипягиным» Головин подразумевал то лицо, которое послужило Тургеневу прототипом при создании этого образа — скорее всего, Петра Александровича *Валуева* (1814—1890) — известного государственного деятеля, занимавшего в 1860-х и 1870-х гг. ряд министерских постов.

12. ГОЛОВНИН — ТУРГЕНЕВУ

〈Петербург. 6/18 мая 1881 г.〉

6 мая

Очень сожалею, многоуважаемый Иван Сергеевич, что не был дома сегодня, когда вы заезжали ко мне, и утешаю себя надеждой встретиться с вами завтра на четверговом обеде. Я дома каждый вечер и буду очень благодарен, если когда-нибудь заедете от 8—11 часов.

Пр(имите)
Г о л о в н и н

В 1881 г. Тургенев приехал в Петербург 29 апреля/11 мая; 25 мая/6 июня он прибыл в Москву. Этим и определяется год письма. 6 мая с. с. действительно приходилось в 1881 г. на среду.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Н. В. ХАНЫКОВ — ГОЛОВНИНУ

Париж. 8/20 февраля 1877 г.

Чрезвычайно благодарен вам, Александр Васильевич, за обязательное исполнение моей просьбы о сообщении мне некоторых отзывов о романе И. С. Тургенева. Оценка эта строга, но единогласна и потому невольно заставляет думать, что на этот раз, по крайней мере, талантливый друг наш не совсем попал на требования современного общественного вкуса. Сам автор всем и каждому говорит то же, что я вам сказал в ответ на ваши замечания о вышедшей части моего перевода Риттерова «Ирана»¹, т. е. подождите судить, прочтите сначала всё, а выводя заключения из прочтенной половины, вы рискуете ошибиться. В некотором смысле он прав, хотя художественное произведение таково, что каждая частица его должна носить на себе печать совершенства, и как бы целое ни было эффектно, но недостатки отдельных частей все же не останутся без влияния на впечатление, производимое целым. Несмотря на предостережения Тургенева, я не утерпел и прочел напечатанное в январской книжке «Вестника Европы», и должен сказать поистине, что и в этой половине много отличного, глубоко отмеченного творческим талантом автора, есть даже и такие места, которые врезаются в память, как хорошие стихи. Тургенев, по преимуществу, портретист женщин, они всегда и везде ему удавались, удалась она и здесь, но если Сипягина, действительно, как она сама проговаривается, *погёрка*, то этот недостаток ее мало очерчен; холодная кокетливость ее, желание быть единойдержидцей обрисовано ярко и хорошо, а позёрства, я должен сказать, я не заметил. Характер отставного артиллериста, брата Сипягиной, тоже задуман и выдержан на славу, автор, так сказать, вжился в свой сюжет, и потому каждый его поступок, каждое движение верны природе, и нет сомнения, что они таковыми останутся до конца. Про характеры других действующих лиц сказать того же нельзя, потому ли, что они еще не вполне обрисовались в этой первой части, или потому, что они хуже удалась. Канва романа слаба и явно показывает, что талант Тургенева, в прежних своих произведениях, мог довольствоваться самою незатейливою канвою, приковывая внимание читателя не к материальным передвижениям своих действующих лиц, а, так сказать, к их психической динамике. Здесь же ему этим обойтись было невозможно, и он самым неправдоподобным образом переносит всю свою труппку из Петербурга в соседство деревни Сипягина, переносит ее, опять-таки *in uno corpore**, в губернский город, где она комплектуется Паклиным и где вставлен невозможный эпизод Фомочки и Фимочки. Эпизод этот, который под пером Ивана Сергеевича, в другую минуту его настроения душевного, может бы вышел прекрасною картиною *русских* старосветских помещиков, тут, где дело идет о 1868 годе, становится невозможен хронологически, не трогательно-весел, как у Гоголя, а карикатурно-уродлив и старчески-слезлив, и невольно заставляет думать, что автор вставил его, чтобы увеличить на печатный лист свою рукопись. В самом деле, мы в 1868 году видим ни с того, ни с сего два осколка екатерининской эпохи, уцелевших необъясненным и необъяснимым чудом от влияния павловской, александровской и николаевской эпох, холодных к обрядам религии вследствие влияния Вольтера и читающих особые молитвы при всяком спуске и подъеме, призывающих дур и скоморохов и поющих романсы 80-х годов. Допустим даже, что, однако, очень трудно, чтобы подобный *mixtum compositum*** и мог отыскаться в натуре, все же мне кажется чрезвычайно отважным втиснуть такой кунсткамерный экземпляр в собрание обыденных, современных нам действующих лиц. Еще странную вставку эту можно было бы простить автору, если бы ее странности выкупались либо увлекательною веселостью, либо гоголевским добродушием героев, а тут — и это меня более всего поразило — в целом романе Тургенева нет и следа его прежней молодой веселости, когда он изредка игрывал на этой струне. Его *lustige Person*², Паклины, уныл, шутки его какие-то траурные. То же заметно и в очерке Сипягина и Каломейцева. Посмотрим, что будет дальше...

* в полном составе (лат.).

** подобная сложная смесь (лат.).

Николай Владимирович *Ханыков* (1822—1878) — географ и этнограф-ориенталист. Совершил ряд путешествий по Кавказу, Бухаре, Ирану. Автор многочисленных научных трудов: «Описание Бухарского ханства» (1843), «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря» (1852), «Записки о южной части Центральной Азии» (1861, на франц. яз.), «Записки об этнографии Персии» (1866, на франц. яз.) и др. С Тургеневым Ханыков был знаком уже в конце 1850-х годов (см. записку Тургенева к Ег. П. Ковалевскому от 1/13 февраля 1859 г.). В 60—70-х годах Ханыков жил по преимуществу в Париже, где находился в долгосрочной научной командировке. Был награжден большой золотой медалью Парижского Географического общества. В Париже часто встречался и подружился с Тургеневым. 15/27 ноября 1878 г. Тургенев писал Л. Н. Толстому из Парижа: «У меня были в последнее время довольно печальные хлопоты: умер старый приятель Н. В. Ханыков в Рамбулье, около Парижа; надо было перевозить его тело, хоронить, распоряжаться по делам наследства» (XII, 529).

¹ Карл Р и т т е р. Иран, ч. I. Перевел и дополнил Н. В. Ханыков. СПб., 1874. Вторая часть этого перевода в печати не появлялась.

² Lustige Person (нем.) — комический актер, действующее лицо в прологе к «Фаусту» Гёте.